

5961 К

5961к

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
к газете „Плуг и Молот“

Цена в отдельной продаже 20 коп.

Зерно

литературный и юмористический сборник
— всех местных авторов. —

СО ДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Вл. Разумов (Вл. Философ).—Голубая кровь. Рассказ.	1.
Нелюдим. — Шуми! Стихотворение	5.
Вл. Разумов.—Пилигрим. „	6.
Н. Наумов.—Чужой. „	„
Нелюдим.—Другу. „	7.
„ Не мнитель-вы? „	„
Н. Наумов.—Весеннее. „	8.
Кон. Соловьев. * * * „	„
П. Туфанов.—Не верю я! „	9.
„ Кузница. „	„
А. Весновский.—Любимой. „	10.
САТИРА и ЮМОР.	
Н. Колтегаев.—Халтура.	11.
Нелюдим. — „Удильщики“	13.
В. Философ.—Октябрины.	14.
Рыбак. — Наоборот!	15.
Юморески	16.

гор. ГАЛИЧ, Костромской губ.

1926 г.

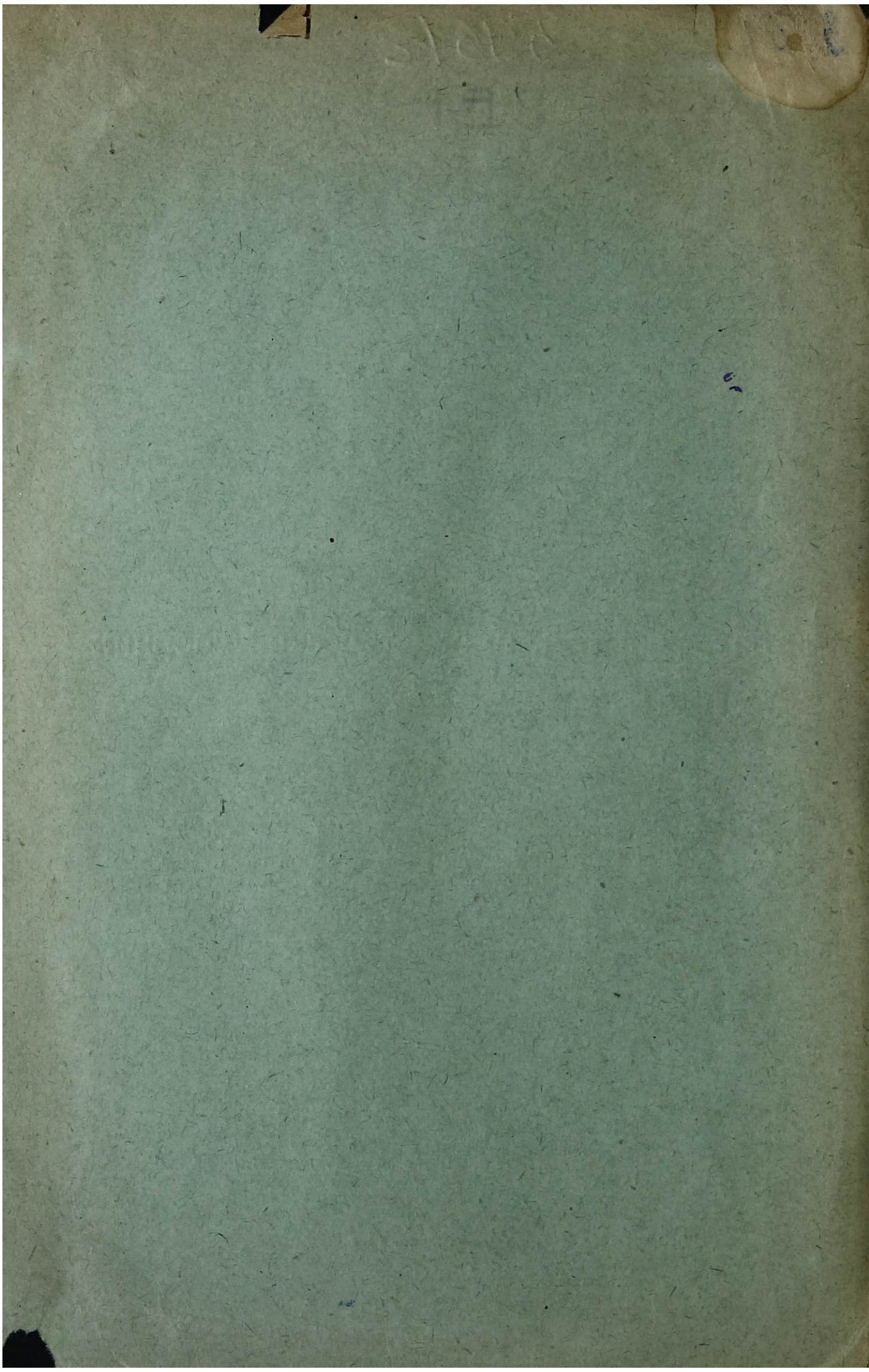
Ивановская обл. Науч. Библ.

Отдел Краевой

с-2010

1941

84

ЗЕРНА

Литературный и юмористический сборник местных авторов.

3-58-с.

Отдел Краевой

10 ДЕК 1932

Фонд Краевой Библиотечной

Инв. № 5961 К

ВЛАДИМИР РАЗУМОВ (Вл. Философ).

Голубая кровь.

(Рассказ).

Лес начинался у самого крыльца усадьбы и темной полосой сливался с синей далью. Где кончалась лесная стена и начиналось поле, ни Лунь, ни Хивря не знали. Знал об этом только пан Гурич—хозяин усадьбы и леса. Однажды, по приказанию пана, Лунь ходил за двенадцать верст, но там конца не было. Была лишь сторожка, в которой жили два мрачных об'ездчика. Пан Гурич, богатый лесовладелец, был редким гостем заброшенной усадьбы. Зимой где-то за границей пропадал, а летом приедет на месяц, много на два, да и то больше в городе находился.

И жили круглый год в усадьбе Лунь и Хивря.

Краснощекая, добрая, без определенных лет Хивря любила только свою кухню и редко совала свой нос в другое место.

Огород и кухня, кухня и огород—вот и весь день Хиври.

Лунь был и сторожем и управляющим усадьбы.

А в приезды пана и лакеем. Да и чем управлять? Что сторожить? Лес стерегли

усатые об'ездчики, а усадьба обросла от времени мохом.

Лунь не помнил родных и не помнил, как попал в работники к пану.

И только Хивря, в зимние вечера, когда за окном выли волки, рассказывала Луню, что он родился где то в сторожке, где жил его отец—об'ездчик с женою Одаркой. Отца застрелил, говорят люди—нечаянно, на охоте молодой панич, что с паном из города приезжал. А мать Одарка умерла через неделю с горя.

— И привез к нам до усадьбы доезжащий малюсеньку дитыну. О Лисечки! Який ты бул крохитний, та одинукий... Як зваты—даже не знували....

Потому-ли, что волосы были белые и мягкие как лен у хлопчика, почему ли другому, пан назвал его Лунь и по просьбе Хиври оставил в усадьбе.

Рос Лунь на кухне у Хиври и превратился в работника пана. Сроднился Лунь с лесом, полюбил и научился понимать разговоры лесные. И порой, казалось Луню, что он и родился тут, между стволов сосен, как гриб—березовик.

На краю оврага стояла большая, поцарапанная молнией сосна. Крепко ударила молния, но не свалила могучее

дерево. Только глубокую черную царапину оставила, как от сабельного удара на лице. Выше других подняла голову эта сосна и у ее корня, над обрывом оврага, было любимое место Луны.

Рядом, у другой сосны, на аршин от земли смешной сук вырос. Вылез он прямо в сторону и почему то назад повернул. И получилась не то дуга, не то калач сосновый. Сидеть на нем,—удобней чем в седле пану. Вечером, когда мрак заползал в овраг и в последний раз кукукнув, засыпала кукушка на дереве, Лунь целыми часами сидел здесь, пока Хивря не позовет вечерять. Лунь понимал лес. Тряхнет головой старая сосна и начнет густым шепотом рассказывать о жизни. Много знала она. Внимательно слушали и Лунь и соседние сосны старуху. И только иногда нарушая тишину, задрожит от смеха шаловливая березка, увидя как заяц косоглазый с разбега мордой в пень ткнется. А Лунь свою жизнь лесу на дудке рассказывал. Хорошо играл Лунь на своей дудке. Только баба—Хивря не понимала Луны в такие минуты.

— И дурный ты, як я побачу... А глаза, о, лишеньки! Як у молодова теля...

С приездом пана, Лунь редко бывал на любимом месте.

Пану надо подать сапоги, принести вина и вычистить трубку. Иногда Луню хотелось о многом спросить пана:

Где кончается панский лес и что там за лесом?

Как живут люди, где пан живет зимой? Все ли имеют так много леса, как у пана?

Но пан так сердито водил белыми усами, и Лунь боялся говорить с паном. Когда пан выпивал больше двух бутылок вина, он делался разговорчивей, но больше все ругался и Лунь не все понимал.

— Хлоп! иди до меня.

И когда Лунь подходил, пан толкая его в грудь говорил:

— Э!, да что, говорить, с хлопом. Тебе ли разговаривать с паном Гуричем! Твое дело делать так, что бы было хорошо пану. А понимать,—тебе не дано.

Не понять твоей рабской крови мысли дворянина—Гурича.....

В такие минуты Луню хотелось рассказать о чем он думал сидя в лесу. Рассказать о чем говорила сосна.

Но пан всегда продолжал сам:

— Запомни слова своего пана, хлоп. Будь верным рабом и радуйся, что ты служишь голубой крови.

— Какой голубой, пан?

— О хлоп! У всех панов течет по жилам голубая, благородная кровь. Не сравнимая с вашей, плебейской кровью...

Видя недоумевающие глаза Луны, пан заплетающимся языком пояснял:

— Хлоп! представь себе своим бараньим лбом:

Мог ли быть ты на месте пана Гурича?... А??...

А я, потомственный, родовитый дворянин—на твоём?... А?... Ха-ха-ха!... Ну, скажи! Мог бы я подавать тебе, хлоп, обед? Ну, ты,—ответь. О-хо-хо-го-го-го!... Мог?...

— Нет...—Робко соглашался Лунь.

— Вот, это и есть закон крови. Ну, пошел вон, хлоп!

Долго пьяный пан хохотал над своим сравнением:

Как он, пан Гурич, подает обед хлоп, своему хлоп Луню. А Лунь лежа в корридоре на постели долго старался понять:—почему не у всех людей одинакова кровь?

II.

Незаметно надвигалась туча. Где то там, в больших городах сгущалась она и сгустившись разразилась бурей над краем. Обезумевшие люди тысячными толпами начали резать и стрелять друг друга. Уцелевшую от молнии сосну, разнес в щепки черный пушечный снаряд. Застонал лес. Покраснело от пожаров небо. Лунь уже два года не видал своего любимого места у оврага. Нет прежнего Луны. В серой длинной шинели, на крепкой лошади „держит связь“ штаба с артиллерией. И не сказала бы теперь добрая Хивря:

— О, якый ты дурный, як я побачу...

Разнесло всю усадьбу пана Гурича от бомбы, брошенной с аэроплана. Придавило покрытой мохом крышей Хиврю в ее любимой кухне. Нет больше Хиври. Много изменила буря—война. А потом, кончилась одна война, началась другая—гражданская. Как в вихре, еще больше закружились люди. Раньше знали: враг там, за этой линией окопов, а сзади—свой. А тут и в тылу враги появились. Трудно разобраться—кто враг, кто свой. Все люди

перемешались. Как будто пришел большой повар и как кашу лопатой в котле перемешал всех. Верхние крупинки на дне очутились, а со дна на верх поднялись.

Лунь и сам хорошо не знает, как с берегов Вислы в Сибири очутился. Стоишь от кровавой резни по всей Сибири. Бьются стена со стеной—два лагеря. За землю, окутанную пороховым дымом, за лес, что темной полосой сливался с далью.

Лунь во главе отряда в остроконечных шлемах, осторожно пробирается к чернеющему в стороне лесу. Покрытые грязью лошади хлюпали копытами по сырой земле.

Осторожное ухо ловило отдаленные выстрелы. Неожиданный рассыпчатый залп раздробил отряд на куски.

И только звонкий, лесной голос Луны, слившийся со вторым залпом сомкнул ряды.

— Шашки вон!... В атаку!

Вслед за несколькими отдельными выстрелами, из оврага вылетели десятка полтора всадников и пошли на утек. Во время погони Лунь уже вышиб из седла одного утекающего с оборванным погонном всадника.

Не помнил как в барабане „Кольта“ не осталось патронов. Оставляя позади гиканье товарищей и лязг стали, Лунь инстинктивно летел за уходящим к лесу отдельным всадником.

— Не уйдет... Лес помешает.... Спешится...—Мелькало в мозгу Луны.

Какая-то звенящая удаль вспыхнула, как никогда в сознании. Чем меньше оставалось расстояние между врагами, тем сильнее у Луны поднималось непонятное, радостно—буйное чувство. Но что это? — Всадник не спешившись, полным карьером, влетел в лес.

Подъехавши к лесу, на том месте, где скрылся белогвардеец, Лунь увидел узкую звериную тропу. Забывая все, Лунь устремился в погоню.

Впереди слышны были треск валежника под копытами лошади и проклятия выкрикиваемые хриплым голосом.

Подъехавший Лунь увидел широкую спину белогвардейца бьющего застрявшую в валежнике лошадь. В тот момент, когда шашка была готова со свистом опуститься

между золотых погон, белогвардеец быстро обернулся. При виде лица противника, крик дикого торжества вырвался из груди Луны и шашка на миг повисла в воздухе. Но этот крик заглушил выстрел пана Гурича. . . . .

Когда Лунь открыл глаза, он увидел потолок из лапчатых колючих ветвей. Зелеными, извилистыми арками потолок закрывал все и что было выше—неизвестно. Лунь пощуповал подняться и, не мог. Тела как будто не было, а было одно желание, и безразличное тело не выполняло это желание. Оторванный от зеленого потолка взгляд увидел по сторонам стволы деревьев.

Ряды мощных сосен были похожи на колонны и в дали сливались в одно целое. Земли не было, вместо ее был ярко зеленый пушистый мох, кое где с пробивающейся проседью. Рядом с Луном мох имел грязно-бурую окраску, а проседь была красной. Оглядевши обстановку, Лунь стал усиленно думать, что бы связать себя—Луна с окружающим.

Мысль работала плохо. Долго ли продолжалось это оцепенение, Лунь тоже не знал. Наконец по телу прошла какая то волна, словно близкий человек ласкающей рукой провел по телу и оно ожило. И Лунь вспомнил.

Вспомнил налитые кровью глаза, целившегося пана Гурича. Вспомнил последний крик пана:—проклятый хлоп!... И, вот он, Лунь окрасил своей красной кровью седой мох. А пан Гурич?

Он до сих пор не пролил капли своей голубой крови. Глаза закрывались сами собой. Тело как будто отсутствовало. А мысль впиалась в тихий густой шепот старой сосны, которая так много знает. Вот она и сейчас начинает свой рассказ. Слушает Лунь и чувствует, что не все понимает в словах старухи—сосны. Это Хивря мешает слушать, зовет вечерять. Или березка смеется? Не поймешь. При тих Луна.

III.

Кончилась война. Победители оставивши в сторону винтовки, и взявши в руки топоры и лопаты, как муравьи разрушенный муравейник приводят в порядок страну.

Задымили остывшие фабрики.

Крестьянин опять пошел за плугом, кое где натыкаясь блестящим лемехом на кости и осколки снарядов. Треск пулемета сменил треск трактора. А недавний враг, как пыль рассеялся по всему земному шару.

На месте старой усадьбы дана Гурича шумит лесопильный завод. Из под визжащих задорно машин, ежедневно вылетают тысячи пахнувших смолой досок.

Директор лесопильного завода—Лунь любит и бережет завод. После переброски с фронта на фронт, после ужасных боев и физических страданий в лазаретах, Лунь опять потянулся на любимые места. Порой, когда грузовик привозит десятки массивных сосен, и когда они покорно ложатся под пилу, Луню жаль этих своих прежних друзей, но задорный, уверенный визг машины, скоро заглушает это чувство и родит другое. Родит чувство силы человека.

Изменился Лунь.

В мае решили расширить завод. Потребовался еще один двигатель. Лунь решил сам съездить в Ленинград, что бы на месте осмотреть и купить подходящий двигатель. Через сутки, с ускоренным поездом, Лунь был в Ленинграде. Поезд пришел в 12 часов ночи.

Несмотря на поздний час, большой северный город при свете белых фонарей, переливался пестрыми шумами.

Садиться в трамвай не хотелось и Лунь решил пешком дойти до ближайшей гостиницы. Шагая по оживленным улицам, видя довольные, улыбающиеся лица прохожих и задорный смех молодежи, Лунь невольно улыбался и сам. Чувство гордости, глубоко сидящее где то внутри, дало чувствовать себя ярче.

Он—Лунь, тоже делал то большое дело, выполнение которого дало эту спокойную жизнь. Вызвало эти улыбки на лицах прохожих. Он своей кровью, помог ожить этому городу.

Волны музыки, несшиеся из окон одного дома привлекли внимание Луня. Захлебываясь от радости, что то быстро, быстро рассказывала флейта. Ей поддакивал барабан.

И только моментами, тихий плач скрипки, диссонансом прорывался среди

звуков радости. Но эта одинокая печальная нота, не могла осилить рвущуюся наружу радость и терялась в радостной мелодии.

Подойдя к дому, из которого слышалась музыка, Лунь прочел яркую вывеску: „Кафе—Встреча“. При слове „Кафе“, Лунь вспомнил, что он не ел с утра. Захотелось зайти в этот ночной ресторан. Зайти не только за тем, чтобы поесть, но увидеть — как живут другие, не похожие на его люди. Взглянуть, —чем привлекает этих других, эта ночная жизнь. Жизнь не у пилы завода, а у бытылки, карт и помятой груди ночных женщин. Швейцар предупредительно открыл дверь.

И только когда Лунь шагнул на ковер лестницы, швейцар покосился на его высокие грязные сапоги и как будто презрительно сморщил нос, услышав крепкий смоляной запах.

Поднявшись на верх, Лунь вошел в ярко освещенную большую залу. В углу на эстраде помещался оркестр. На ковре, брошенном на полу, между занятых столиков полураздетая женщина поднимая в такт музыки руки, танцевала какой то замысловатый танец. В зале висел певучий гул голосов и пахло потным, продажным телом. Лунь пробрался в угол и сел за маленький свободный столик. Сидящая одиноко за одним из столиков женщина, при появлении Луня блеснула подсиненными глазами и подозвав официанта, пересела за столик, стоящий рядом со столиком Луня. Лунь заказал ужин. Под звуки музыки, Лунь унесся в прошлое. Вспомнил себя, сидящим на сосновом калаче у оврага и играющим на своей дудке. Вспомнил слова пана Гурича:— „Закон крови, хлоп!“ Как далеко это все! Из задумчивости вывели шаркающие шаги. Официант в белоснежной рубашке, с салфеткой брошенной на плечо, на подносе нес Луню ужин. Лунь поднял глаза. Не дойдя до стола один шаг, официант остановился.

Два взгляда встретились.

Один удивленно - припоминающий, другой дико-испуганный. Один выражал слово:

— Лунь!!!!

Другой:—пан Гурич!!!

Лунь как подброшенный пружиной встал со стула. Несмотря на отсутствие

пышных белых усов, несмотря на костюм официанта ночного кафе, перед ним с подносом в руках, принесший ему ужин, стоял пан Гурич. Глаза пана Гурича остановившиеся несколько секунд назад в глазах Луны, продолжали оставаться неподвижными. В них застыл ужас. Не закрывая глаз и не отрывая их от взгляда Луны, пан Гурич не сгибаясь, как столб, медленно свалился на пол. Звон разбитой посуды и падение тела привлекли общее внимание. Замолк оркестр.

Кто то крикнул:

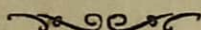
— Ерунда! Лакей скалился—и только. Продолжайте!...

Лунь одним прыжком приблизился к неподвижно лежащему телу. Откуда то повернувшийся пьяный доктор ни к кому не обращаясь сказал:

— Готов! — Разрыв сердца.

Из открытого рта пана Гурича вместе с пеной текла кровь. Темной струйкой кровь сползла на пол. Окрасив в грязно-красный цвет попавшийся на пути окурок, кровь расплылась по полу, смешиваясь с пылью.

Июль. 1926 г.

НЕЛЮДИМ.

Ш у м и!

Из песен бунтарского духа.

Как можно меньше тишины.
Умреш, — в могиле тихо будет.
А жив пока—бунтуй, шуми!
Пусть шум твой спящее разбудит.

Где бьется жизнь, там слышен шум
И буйный, и любовно—нежный;
Я тишины не выношу
Влагая в шумы ум мятежный.

И шопот призрачный дерев,
И шелест трав, и ночи думы,
Заводы, площади, где рев
Людей, машин,—сплелися в шумы.

И в самом солнце слышен шум:
Там пламя вечное мятется,
Я им живу, я им дышу,
В нем жизнь шумящая смеется.

Шуми, шуми!.. О, светлый шум,
Буди к борьбе, буди к порывам,
Зови на битву спящий ум
Раскатным эхом говорливым.

Шуми! долой покой могил!
Лишь в шуме жизнь, лишь в шуме силы;
Шуми, шуми, кто полон сил,
Кто отшумел-уйди в могилы...

Пилигрим.

В моей душе к просторам тяга,
Кто любит волю—тот поймет.
Я пилигрим—земли бродяга
Во мне мятежный дух живет.

И как приятно по дороге
Идти свободно, на легкой.
Глаза все видят, крепки ноги
И силу чувствуешь в руке.

Куда потянет—нет запрета!
Я поверну и буду там.
А сколько воздуха и света!
Вверху, вдали, по сторонам.

Иду,—с улыбкою встречаю
И юных жен и мужика.
На их поклоны отвечаю,
И мне дорога так легка!

Н. НАУМОВ.

Чужой.

(Из песен бродяги).

На кладбище спят мои деды
Меж ними и кости отца.
А я, вот, шатун непоседа
Поплакать хочу у крыльца.

Взгрустнулось о реченьке Устье,
О дреме полдневных часов,
Согреть захотелось вновь кости
Дыханьем заволжских лесов.

Я знаю: не дружески встретит
Бродягу родное село...
Сосед мой, нахмурясь, заметит:
— А где, твое время, прошло?

Где поле, что зерна ты сеял?
Амбар, где ты хлеб положил,
Кого добрым словом взлелеял
И хлебом кого накормил?

А где твои малые детки?
Скажи нам—есть дочка и сын?
— Как лист, ветром сорванный с ветки
Скитаюсь по свету один...

Иди!—ты чужой нам, ты воля—
Ты ветру бездомному брат!
Не скажет сосед слова боле,
Печально покроется взгляд.

А я—на крыльцо тихо лягу,
Всю ночь до утра пролежу...
А солнце увидит бродягу:
Родную пройдет он между.

Другу

Будь, как солнце в мыслях ясен,
 Загорайся и ликуй!
 И поймешь, что мир прекрасен,
 И сожжешь свою тоску.

Злые тучи—мимолетны
 Им наш путь не заградить,
 Рассечем их строй не плотный,
 Чтобы жечь гореть и жить.

Не мните-ль вы?

Вызов рабочего коллектива.

Мы в грязных блузах: „голодранцы“
 На мир насилья скаля пасть
 Рычим: „лощенные поганцы,
 Не мните-ль вы, что вы—нам власть?

Не мните-ль вы, что кнут и злато
 Для вас устойчивость дадут?
 О, нет, мы верим в это свято:
 Всегда устойчив только труд.

Не мните-ль вы, что вся наука
 Опорой будет вам всегда
 За голос золотого звука?
 О, нет: наука—плод труда.

Не мните-ль вы, что цепь насилья
 Способна вольность удержать?
 О, нет: у ней могучи крылья,
 Вам этих крыльев не видать.

Сильны вы там, где люди слепы
 И вам принуждены служить,
 Но ждут вас кладбища и склепы
 А труд бессмертно будет жить.

И труд под стягом коммунара
 Кует нам новый мир иной,
 Пока лишь часть земного шара,
 Но будет наш весь шар земной.

Весеннее.

Коротать за прялкой зиму
 Доле девичьей под стать...
 Но когда весна любимой
 Песней станет соблазнять,
 И когда душистый тополь
 Почки трубочкой свернет
 И с гармошкой парень-щеголь
 О любимой запоеет—
 Колет пальчики куделя
 Не жуужжит веретено..
 С пряжи милого апреля
 Будет хуже полотно...
 Время свой порядок пишет.
 Не пройдет зря каждый час.
 Грудь в апреле жадно дышет
 За окно стремится глаз
 За окно, иде в кудрях тополь
 Где трепещет, тает звон,
 Где поют и парень—щеголь
 Плачет звонкая гармонь.
 Не пряди—не будет толка,
 Как ни дергай мягкий лен:
 Не возьмет в себя иголка
 Нитки вешних веретен!

КОН. СОЛОВЬЕВ.

* * *

Улыбались поля васильками,
 Полнорудыми ширями ржи.
 Показались минуты юдами,
 Как любимую песнею жизнь.
 Ветер робко ко мне прикасался,
 Целовал и целуя шептал:
 Я с твоею любимой встречался
 И нечаянно кой-что узнал.
 Раз в полях она здесь проходила,
 Улыбаясь мне васильком
 И меня как тебя полонила
 И исчезла вдали мотыльком.
 До меня-ж донеслось: —Я любимым
 Называю другою с весны...
 Слушал шопот я, солнцем палимый,
 До миновенья немой тишины.
 Извивалась дороженька змейкой,
 Улыбалась вновь рожь, васильки,
 И борьба за отряд, за ячейку
 На деревне, за песню, кружки.

Не верю я!

Не верю я,
 Что нет его в живых!...
 Лучи блестят!—Ведь это он!...
 Любовь храня,
 В мечтаниях моих
 Ищу его... и слышу стон!

* * *

Ужель погиб,
 Когда кипела жизнь?!..
 Ручьи шумят, бурлят... Ведь он?!
 В груди гнев, крик...
 О, друг, назад вернись!..
 В ответ печальный слышу звон!..

* * *

Нет!... Он живет!...
 Не мог он умереть!!!...
 Играет ветерок?...Все он!!!!...
 Мой чёлн плывёт...
 К нему хочу лететь
 Под птичек радостный трезвон!

Кузница.

Как зверь, укрывшийся в дубраве,
 Как чудище морских пучин
 Пугает робкий люд,—
 Так мех кузнечный, надрываясь,
 Ревел и плакал там... один...
 Печален его труд!!!!...

А в горне искры золотились.
 Огонь, как птица, трепетал
 И вел с железом бой!...
 Смеялись языки и злились..
 И кто-то в глубине вздыхал,
 Шипел, визжал порой!...

Железо темное проснулось,
 Как в сказке сонный богатырь,
 Лежавший без труда,
 Блестело, искрилось и гнулось,
 Пока в крови пыл не остыл...
 И вновь в огонь!... Туда!...

Тяжелый молот, опускаясь,
 Звенел, бумчал и хохотал,
 Вдыхая мертвым жизнь!..
 В руках бойца он, извиваясь,
 Как гром сердито грохотал
 И вниз бросал: „держись“!

Железо ляскало зубами,
 Как силы темные земли,
 Когда их дерзко жмут...
 А искры сыпались снопами,
 Задор борьбы в толпу несли,
 Грозили, что зажгут!...

Чу!... Песня звонко все покрыла!
 Запел могуче вдруг кузнец!...
 Огонь в глазах горел!...
 И песня в сердце, в нервы била!..
 Начало где ее?.... Конеч?...—
 Сказать никто не смел!

Открытый ворот! Ширь размаха!
 И грузный молота удар
 Кромсал собою сталь!...
 Отваги полон взгляд, без страха!
 Он разливал вокруг пожар!....
 А звуки... звали вдаль!!!!...

„Сожжем, разроем все рутины!
 Мы всем, как стали, жизнь дадим!..
 Пришел желанный час!...
 Эй!... Не сгибайте свои спины!
 Кричите: строить жизнь хотим!
 Вся сила только в нас!“..

Любимой.

(Два стихотворения).

I

Голубые вечерние зори
Отгорели за сизой чертой,
В загоревшемся радостном взоре,
Мы не встретимся больше с тобой.
Словно свитка расшитая в бисер
Ночь прозрачная вдруг упадет.
В бесконечной синеющей выси
За звездою звезда в хоровод.
Улыбаясь улыбкой приветной
Под росой, опьянеют цветы,
А за сизой чертой незаметно
Будет утро восток золотить.
И когда под звездяные звоны
Песню тихую ночь отпоет, —
Кружевною зеленой короной
Лес в дали расцветет на восход.
Почему же проснувшись с зарею,
Как и прежде, в березовый хмель
Не пойдем мы по росам с тобою,
Не заманит в луга коростель?

II

Скоро золотом заколосится рожь,
Заиграет светлыми волнами,
Только ты со мною не пойдешь
За синеющими васильками.
Васильковый не сплетишь венок
С ароматною зеленою травою
И играть не будет ветерок,
В волосах запутавшись, с тобою.
Песни звонкой мне не пропоешь,
Опустив красивые ресницы...
Скоро золотом заколосится рожь,
Скоро, скоро рожь заколосится

САТИРА и ЮМОР.

Н. КОЛЬТЕГАЕВ.

Халтура.

Сценка с натуры.

Зав. Гортеатра потирал руки.

Только что заключил он условие с представителем „труппы Ленинградских оперных артистов“. Правда, труппа была невелика: всего 7 человек. Но дело не в количестве. За то будет поставлена опера, да еще какая! „Демон“!...

И он говорил каждому встречному и поперечному:— „На оперу придете?“

— „Какая опера?“

— „Как же, как-же! „Демон“ пойдет.. В постановке Ленинградской труппы!“...

Галичане радовались: давно не слышно было в галичских дебрях оперы.

Сбор был полный.

Зав. театра с нетерпением ждал приезда труппы.

— „А вдруг крушение поезда? А вдруг дорогой холера схватит?“— мелькали в его голове ужасные мысли.

Наконец, в летний театр явились три субъекта с небольшими саквояжами в руках. Один был довольно тучный мужчина с огромным животом, другой плюгавый на вид и, наконец, дебелая дама лет под 50.

— „Вот и мы“, прохрипел тучный мужчина.

— „Очень, очень приятно!“ обрадовался зав. театра: „остальные, конечно, придут с вокзала вслед за вами? Наверно, и багаж с ними?“

— „Какие остальные? И что значит багаж?“ удивился тучный: „мы все здесь на лицо и багаж весь с нами“...

Зав. театра почувствовал, как начали холодеть его внутренности.

— „По-позвольте, однако... Но ведь в вашей афише сказано: труппа в семь человек.. И по фамилиям все названы.. И потом вы декорации обещали... Как-же так?“

— „Ну да, нас семеро и есть. Позвольте представиться: я—режиссер Сорочкин—Бельведерский, я-же артист Хватов-Шампанский, Зевсов-Олимпийский тож... А это—примадонна Цустякова Эврикова, Нимфина-Весталкина тож.. Это известный профессор консерватории в отставке, Пуп-Поясницин, он-же не менее известный в свое время пианист Ядов-Недоразуменский... Вот и все семеро... Да вы, батенька, не беспокойтесь.. Мы не халтурщики какие-нибудь. Такую вам оперку заворотим,—публика только пальчики оближет... Все города насквозь проехали, везде буря оаций... А декорации—пустяки. В опере главное не декорации, а чтоб голос зычный был... Пойдемте-ка на сцену... Публика ждет, надо оборудовать да начинать..

Через час «зановес взвился».

На авансцене перед зрителями предстал столб, изображающий одну из вершин кавказских гор, возле столба—сундук, изображающий скалу, а на сундуке—Демон, одетый в римскую тогу, загримированный в виде ассирийского идола.

Техник театра из сил выбивался, стараясь создать световые эффекты, направлял розовый луч электрического рефлектора на лицо Демона, но почему-то луч света все время падал на его об'емистый живот.

„Проклятый мир, презренный мир!“, раздался зычный хриплый бас, приводя в умиление обывателей.

— „Вот-бы нам в собор дьякона такого!—толковали они между собой: „нешто предложить?“

Потом выплыла из-за кулис дебелая Тамара, и запела так, что собаки из ближних городских домов не выдержали и залились громким лаем.

Каждый акт оперы продолжался не более 5 мин., зато антракты тянулись по полчаса. За кулисами пел хор, наскору руку набранный из зрителей

Публика в недоумении расходилась по домам.

Только десяток—другой терпеливо прождали до конца, до 3 ч. утра.

— „Чай, денежки плачены“,—вздыхая говорили оставшиеся и терпеливо слушали.

„УДИЛЬЩИКИ“

Август—начало сезона уженья рыбы.

Рыбаки определяются
По заслугам, по чинам;
Рыболовством занимается
Много лиц знакомых нам.

И от горя, и от радости,
Всяк по своему готов
В лето жизни, в славном августе
Подстеречь удачный клев.

Осуждать таких не буду я,
Что—с конца глядиш—червяк,
А с другого,—дремлет с удою
Патентованный дурак.

Выше качеством считается
Кто коневу меру шьет,
Кто в сухих волнах болтается
Носом сам себе «клюет».

Взять попа.—Он с божьей «удкою»
Ловит рыб нытьем своим,
Всюду тянется за ссудою
К глухим, к мертвым и больным.

Надоел он стае пишущей
И в надсмешках омертвел,
Даже «Дёма»*) ядом дышащий
От попов «наводопел»

Я скажу: попова удочка,
Дураков еще найдет,
Поп закинет там и туточка,
Глядь—малявка, а «клюет».

Но попа повыше качеством,
Кто с советом был знаком,
Он не водится с рыбачеством,
А безбеден и с домком;

Он служил в советской лавочке
Утожденье тонко знал,
Редко кланчил о прибавочке,
Но «прибавить не зевал».

Вот у этого так «кдюнуло»
Жирны шея и живот,
Не беда, что в рожу плюнули,
Он обтерся и—живет!

А еще повыше нэповцы,
Свора теплая ребят,
Для нее-ль меж нами нет овцы?
И дворняжек и ягнят?

Хоть волков то вихрем сдунуло,
Но порода все-ж живет,
В спекуляцию им «кдюнуло»
И теперь пока «клюет»

И пока водица мутная
Да в мозгу у нас туман,
Эта свора «бесприютная»
Будет «удить» наш карман.
Оставляю знать высокую
Очень умных «рыбаков»,
Что укрылись за осокою
С фронта, с тыла и с боков

Отойдя от мира грешного
Грязных блуз и мужиков,
Но желать всегда успешного
Им улова я готов.

*) Вероятно автор намекает на «Демьяна Бедного». (Прим. ред.)

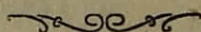
Октябрины.

(Дружеские шаржи).

На расширенном редакционном совещании, бурные прения вызвал вопрос—как назвать сборник?

„У приказных ворот, собирался народ“.
А. Толстой.

Собрался у ворот, беспокойный народ.
Литературный.
Позабывши про НОТ и устроили сход.
Сумбурный.
Степа—красный как рак, прилетел как рысак.
На скачках.
А за ним, поглядим—к нам ползет Нелюдим
На карячках.
Притащился на сход и Иван Дымоход.
И Носов.
Собралась вся семья, ну конечно и я—
Философ.
Черепенин приплыл и собрание открыл:
Шумите!
Ну, кто может что дать, и как сборник назвать—
Говорите!
Костыля—вместо ног, первый слово изрек:
„Насмешник“!
Вандыш с кресла тут встал и скрипуче сказал:
„Раешник“!
Тут Басков стал гадать и предложил назвать
„Идеалом“!
А Касторский бузит:—назовем—говорит:
„Салом“!
Рудомазин встает и совет подает:
— Други!
Лучше нет ничего,—назовемте его:
„Потуги“!
Раскрывает тут рот, наш Иван Дымоход:
Братцы!
Что шуметь—не пойму, дайте имя ему
„Святцы“!
Бывший ред Соколов, никогда лишних слов
Не тратя,
По привычке зевнул и тихонько шепнул:
„Катя“!
А Корытов—поэт, тоже сунул совет:
Дяди!
Долго-что толковать, предлагаю назвать
„Сзадн“!
Полетели слова кто-- „Лемех“, кто-- „Бова“,
„Распинаю“!
Надоел разговор и чем кончился спор
Не знаю.

Наоборот!

В Уфо считают денег массу,
Ведут громадный оборот.
Но не запустят руку в кассу.
А вст в Милиции наоборот.

Менять заведующих не в моде,
Веками зав один и тот!
На Спиртоводочном заводе...
Вот там, как раз наоборот!

В конторах летом очень жарно,
С рабочих льется градом пот,
А вот Редакцию так жалко:
Ведь там совсем наоборот

Настало лето, каждый знает
Пору строительных работ,
Всяк, что нибудь, да починает,
А Откомхоз наоборот.

Везде борьба с очередями
— Вам что угодно? Килек? Шпрот?
Торговцы вертятся вьюнами,
Зато ЕПО наоборот.

Всегда пожары угрожают,
В борьбе с пожарами тьма забот,
Депо пожарные расширяют,
А в Галиче наоборот.

Неразрешимая задача.

— „Дружище! Реши задачу! Около Рыбной, Укомунотдел строит сквер. Работают только один день в году—в День Леса! Во сколько лет выстроят сквер?”

— Ну эта, брат, задача неопределяемая! Во всяком случае, нас с тобой в живых уж не будет!

Определил!

— Илья Ильич, у вас в Райсоюзе ставки по чему определяются?

— Как почему, известно по летам, по солидности, а то еще почему же?

Противоречие.

Растратчик: Не понимаю, за что меня в тюрьму?! Ведь я все деньги в кооператив переносил на сорокаградусную и этим самым увеличил оборот кооперации? Это противоречие!

Судья: Вот вы и обвиняетесь в том, что незаконный оборот сделали!

В местхозе.

— Что это у тебя, Иванов, сапоги то развалились?

— В местхоз хожу — квартиру прошу.

Не по плечу

(Уездной комиссией по борьбе за режим и экономию в некоторых кооперативах обнаружены накладки до 51 проц.)

Совслужащий: Дайте посмотреть эту накладку!

Приказчик: Она не подадет вам, жене преда и то велика! Обрезать придется!

Свой подход.

— Товарищ мельник, у вас жернова-то не с дырой?

— А что?

— Да у меня 30 фунтов не хватает по моему весу.

— Ну ты весил дома на пуды, а мы на килограммы.

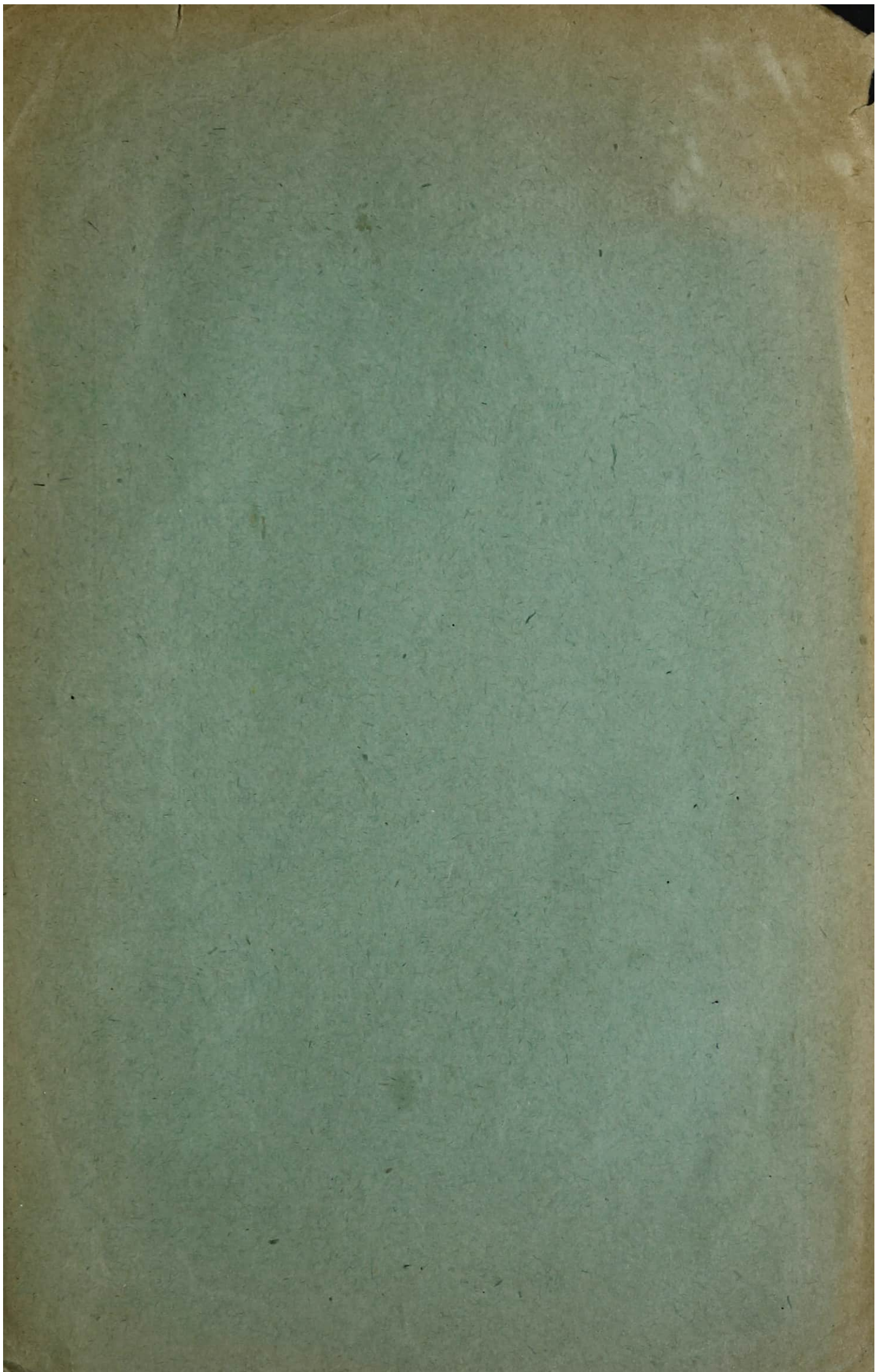
— Ах уж эти килы, одна раззора!

Ответственный редактор *П. Черепенин.*

Секретарь редакции *Н. Рудомазин.*

Ивановская Обл. Научн. Библ.

Отдел Краевой

Продолжается подписка на газету

„Плуг и Молот“.

„ПЛУГ и МОЛОТ“ дает обзор важнейших текущих событий за границей, знакомит с хозяйственным строительством и жизнью С. С. С. Р.

„ПЛУГ и МОЛОТ“ хорошо освещает жизнь нашего уезда, труд и быт крестьянина, рабочего и служащего.

„ПЛУГ и МОЛОТ“ отвечает совершенно бесплатно на все запросы читателей, давая справки юридического характера; помещает полезные указания и советы врачей и агрономов по всем вопросам.

„ПЛУГ и МОЛОТ“ для члена профсоюза и крестьянина стоит всего **35** к. в месяц (а в 3 мес. **1** р.) с доставкой и пересылкой.

Каждый крестьянин и крестьянка, рабочий и работница, служащий и кустарь, каждый партиец и комсомолец должны читать свою газету.

Выписывайте газету „Плуг и Молот“!

Убедите сделать то-же своего соседа!

ПИШИТЕ в «ПЛУГ и МОЛОТ»!

Адрес: гор. Галич, ул. Луначарского д. № 1
редакция газеты „Плуг и Молот“.

